

8 ноября Алену Делону исполнилось 60 лет. Он отпраздновал юбилей в Голландии, где живет с женой Розали и двумя детьми - пятилетней Аннушкой и полупрозрачным Аленом-Фабианом. Писатель и журналист Жан-Франсуа Денио встретился с актером, который на протяжении 30 лет оставался звездой номер один во Франции. Их диалог, опубликованный в ноябрьском номере Paris-Match, "ЭС" перепечатывает с небольшими сокращениями.

— Юбилей — всегда повод оглянуться. Если бы сейчас начали снимать фильм о твоей жизни, какие моменты тебе хотелось бы увидеть на экране?

— Во-первых, я не люблю оглядываться. Во-вторых, я ненавижу слова "итог", "финал" и прочее. Для меня это автоматически означает отставку, а за отставкой следует смерть. Я по-прежнему отказываюсь от мемуаров и авторизованных биографий. Мне не хочется о себе рассказывать. Мне все время кажется, что еще рано, что главное впереди. Не знаю, как другие люди, но я только в 60 лет заметил, как быстро бежит жизнь.

— В смысле — как она коротка?

— Нет, дело не в этом. Просто я хорошо помню, как спокойно текла жизнь до 30 лет, а с 30 до 60 она пробежала как один день. В одно прекрасное утро просыпаешься, а тебе уже шестьдесят! И ты говоришь себе — нет, этого не может быть! Только недавно я понял, сколько случайностей в моей судьбе. Служба в армии определила всю мою последующую жизнь. Карьеру актера я сделал совершенно случайно. И все, что я сделал в жизни, все, что я создал как актер, продюсер, режиссер, как мужчина, наконец, — всем этим я обязан моему детству, отрочеству и четырем годам в армии.

— У публики сложился определенный имидж Делона — одиноко, загадочно, маргинала, такого, каким ты был в "Самурае", "Сицилийском клане", "Непокорном". Знаменитый и незнакомый. Как ты относишься к этому клише?

— Почему обязательно "клише"? В каждом из моих персонажей есть частичка меня самого. Ведь я не комедийщик, а актер. Такой, какими были Вентура, Габен, Ланкастер. Разница между комедиантом и актером — в том, что первый работает исключительно на технике, а второй отдает спектаклю частичку своей души. Первый смотрит на персонажа со стороны, второй становится тем, кого играет. Влезает в роль, как в костюм. Иногда костюм жмет, но в отличие от портняжной мастерской в фильме перекраивается актер, а не роль. Поэтому в каждом герое, которого я играл, есть что-то мое.

— В твоей карьере успешные фильмы часто чередовались с провалами...

— Объяснение очень простое. Нет просто зрителя, есть разные категории зрителей. Кто-то ходит на боевики, такие, как "Слово полицейского", "Не будите спящего полицейского", "Полицейская история", "За шкуру полицейского"...

— ...принцип ясен.

— ...а есть зритель, который смотрит "Мсье Клейна", "Профессора", "Нашу историю". Вторых, к сожалению, меньше, чем первых. А еще есть отдельная

детская аудитория, которая смотрит "Зорро". На протяжении многих лет я снимался в фильмах с большим коммерческим потенциалом, чтобы иметь возможность делать серьезные ленты. Первые фильмы ругали критики, на вторых я, как правило, терпел финансовые убытки, потому что выступал не только как актер, но и как продюсер. Но я не жалею, что снимал фильмы, рассчитанные на небольшую аудиторию. Вот "Мсье Клейн", например, был снят только потому, что "под меня" дали деньги. А в прокате он прова

человек им непонятен, его низвергают с пьедестала. Это моя проблема и моя привилегия.

— В фильмах "Искатели приключений" и "На ярком солнце" ты подал в различные морские приключения. Однако говорят, что ты не любишь моря.

— Не люблю. Море навеивает на меня мысли о собственном бессилии. Мне нужен контакт с почвой, чтобы чувствовать себя в безопасности. Здесь я могу себя защитить. Море

то, о чем я их просил, с другой — разрешил своему сыну отправиться воевать!

— Ты никогда не рассказываешь о годах службы.

— Потому что рассказывать особенно нечего. Путешествие по морям было самым тяжелым испытанием. Мы погрузились на "Сан-Бернард" и плыли до Сайгона целый месяц. Постоянно попадали в шторма.

Конечно, воспоминание на всю остальную жизнь. А в Сайгоне меня прикомандировали к гар-

кстати, впоследствии горько сожалел.

— Сейчас мы стоим на рубеже тысячелетий. Юбилей этот невольно заставляет размышлять о том, какими мы станем, перешагнув этот рубеж. Тебя не смущает, что слово "мораль" сегодня боятся произносить, потому что над ним смеются?

— Меня это не смущает, а потрясает и ввергает в панику. Люди не только забыли о морали, они не только перестают отличать добро от зла, они называют реакционером каждого, кто посмеет им об этом напомнить.

В конце ноября мне предстоит выступить перед публикой с традиционной речью от имени членов Французской академии в защиту добродетели. Я знаю, что молодежь будет дружно смеяться.

Знаешь, почему? Потому что у современного человека почти не осталось мужества. Вся ответственность переложена на плечи других людей. Слово "честь" забыто. Нет, я не собираюсь читать кому-либо мораль — ведь теперь это смешное слово, не правда ли? Но я имею право на свою мораль, и я остаюсь человеком своей эпохи.

— Ты был знаком — и более чем знаком! — с замечательными женщинами.

— Нет, об этом я говорить не буду. Если тебя интересуют мои женщины, о них все уже написано. Почитай свой же "Пари-Матч".

— А о детях?

— Антони делает только то, что ему нравится. Но это его право, ему уже тридцать лет. Надавно кто-то из журналистов спросил его, что он чувствует по отношению к отцу, и он ответил: "В 18 лет — задирался, в 20 — завидовал, в 30 — начал уважать". Скоро он сам станет отцом, тогда посмотрим, что он запоет. А я стану бабушкой.

— Слушай, мне как-то в это не верится. Ты не выглядишь на 60. У тебя есть какой-то секрет?

— Все очень просто. Я занимался тем, что мне нравилось. Я снялся в 87 или 88 фильмах. Каждый раз я так сильно и пронзительно проживал жизнь своего героя, что это придавало мне сил, молодости и энергии. Никогда было стареть!

— Говорят, ты уже выбрал эпитафию, которая будет высечена на твоей могиле. Что-то из Мюссе: "Я часто страдал, я иногда ошибался, но я любил".

— Для меня эта короткая фраза — символ жизни. Да, я умираю от любви, но я любил. Да, я не всем нравлюсь, но я такой, какой есть. Я никогда не стеснялся говорить то, что думаю. Можете меня любить, можете ненавидеть, но вряд ли вы будете ко мне равнодушны. Лучше умереть львом, чем жить бараном.

— Ну, тогда это не эпитафия, а жизненное кредо! Тебе приходится думать о смерти?

— Я не боюсь ее, но хотел бы умереть быстро. Я ненавижу немощь. По правде говоря, меня гораздо больше угнетает мысль о возможности смерти близких людей, нежели своей собственной. Когда умирает человек, которого ты любишь, возникает чувство полного бессилия и несправедливости. А я ненавижу и бессилие, и несправедливость. Помню себя в тридцать лет. Меня спросили, что я думаю о своем возрасте и я, молодой идиот, заявил: "Мне тридцать лет и мне на все плевать!" Сегодня я хотел бы написать: "Мне тридцать лет и я счастлив". Но увя.

ЗАНДВООРТ, НИДЕРЛАНДЫ.

Ален Делон: "Люди перестают отличать добро от зла"

лился, несмотря на похвалы критиков. Увы, не улыбки, а деньги делают кино. Поэтому после провала "Мсье Клейна" мне пришлось много сниматься в боевиках.

— О тебе говорили, что ты рискованный человек, который, однако, всегда играет наверняка.

— Я всегда старался делать фильмы, которые нравятся большинству зрителей и не вижу в этом ничего зазорного. Но актер — как художник, и нельзя заставлять его рисовать только одной краской. Я скорее экспрессионист, нежели импрессионист, мне нужен и голубой цвет, и ярко-оранжевый, и зеленый, и красный, и немного строгой черно-белой графики.

— К сожалению, во Франции не очень любят людей, которые имеют много лиц. К тому же ты часто делал странные политические выражения.

— Люди не переносят, когда кто-то говорит: "У меня девять жизней". Человек должен иметь одну жизнь, не должен выходить за рамки, не должен делать ни шага в сторону. Очень печально. Звезда может быть звездой только в своей области — в кино, спорте, политике. А самое главное — все должно быть просто и понятно. Если

пугает меня, и поэтому я невероятно завидую навигаторам. Они способны на то, чего я не смогу никогда. Думаю, причина — мое давнее путешествие в Индокитай, когда я завербовался в армию.

— Сколько тебе было лет?

— Я записался добровольцем в 17 лет. Просто, чтобы сбежать из дома. Я не был особенно счастлив в семье, перебрался из одного пристанища в другое, переходил с одной работы на другую и все время говорил себе, что рано или поздно я отсюда сбежу. В то время улицы Парижа были обклеены плакатами с призывами "стать пилотом за полтора года", записаться в армию, получить большие деньги. Я не из-за денег пошел, но завербовался капитально, на три года. А проторчал там все четыре.

— В каком году ты отправился в Индокитай?

— В пятьдесят втором. В армии я нашел друзей и мне не хотелось с ними расставаться. Когда они должны были отправиться в Индокитай, я тоже попросился, чтобы скучно не было. Я был очень молод, и мне нужно было разрешение родителей. Они мне его дали. Позже я долго размышлял об этом: с одной стороны, они сделали

низону, охраняющему военный арсенал. Я вернулся 1 мая 1956 года. Оказался на гражданке и не представлял себе, что буду дальше делать. У всех нас было три пути — остаться на сверхсрочную, идти в службу национальной безопасности или попробовать подыскать себе мирную профессию.

— И ты избрал третий путь?

— Мы высадились в Марселе, а через несколько дней меня посадили в тюрьму за незаконное ношение оружия. Я привез из Индокитая пистолет, и кто-то меня заложил. После этого мне расхотелось служить и в армии и в полиции. И к тому же снова выходить в открытое море — нет, увольте!

— Я знаю, что многие люди одновременно любят и боятся моря. Оно навеивает мысль об одиночестве.

— Нет, я не боюсь одиночества. Я одиночка в душе, я люблю одиночество в горах, в лесу, только не в море! Когда я снимался в фильме Клемана "На ярком солнце", мне было так плохо, что я поклялся себе никогда не сниматься в море. Хотя этот фильм определил мою актерскую карьеру, стал важнейшей вехой в моей жизни. Из-за нелюбви к морю я отказался сниматься в "Крабе-барабане", о чем,

